

Ю.М. Плюснин

МНОГООБРАЗИЕ ПРОСТОТЫ: СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Начиная с 1994 г. я провожу комплексные исследования социальных и психологических механизмов адаптации локальных сельских сообществ к новым экономическим, социальным и политическим реалиям кризисного (точнее, трансформируемого) российского общества. Исследования приобрели за это время характер мониторинга и являясь сравнительными, охватывают два далеко отстоящих региона России – юг Западной Сибири (Горный Алтай и Алтайский край, Новосибирская область) и европейский Русский Север (побережье Белого моря, Республика Карелия, Мурманская и Архангельская области), -- сельские сообщества которых различны и по условиям хозяйственной деятельности (как природным, так и социальным), и по характеру бытовой жизни людей. Здесь традиционно сложились разные, во многом даже полярные, системы (модели) жизнеобеспечения населения; в советское время они сохранили немало основных черт традиционного хозяйственного и бытового уклада.

Целью данной работы явилось изучение текущих изменений в уровне жизни, благосостоянии и социально-экономическом поведении как отдельных домохозяйств, так и локальных сообществ в этих двух сельских районах России. Исследование носило пилотный социально-психологический характер.

Наблюдения в Алтайском крае рассматриваются мною как продолжение (хотя и не прямое) социологического исследования, проводившегося в 1994 г. в северных районах Горного Алтая, которое позволило выявить и описать специфические процессы срочного приспособления сельских общин к последствиям экономической реформы 1992 года [2]. В данном исследовании внимание было обращено на результаты этих адаптивных социальных процессов. Анализ способов выживания сообществ осуществлялся в зонально-географическом контексте: наблюдения проводились в переходной зоне от казахстанских степей через лесостепные предгорные районы к лесному низкогорью Алтая. Естественно, что характер хозяйствования и соответствующие системы жизнеобеспечения в значительной степени зависят от климато-географических факторов. Таким образом был получен «пространственно-хозяйственный» срез, позволяющий зафиксировать различные, в том числе и новые, модели жизнеобеспечения сельских сообществ. Это исследование осуществлялось параллельно с аналогичным изучением состояния сельских сообществ на Русском Севере, которое продолжается с 1995 г. Последнее приобрело, по существу, характер мониторинга и даёт возможность сопоставительного анализа социальных процессов, происходящих сейчас в сельской России [3].

В трёх южных районах Алтайского края (Змеиногорский, Курьинский, Краснощёковский), протянувшихся от казахстанских степей до предгорий Алтая (Колыванский хребет) были обследованы 6 сельских населённых пункта (составлен «Паспорт села») и проведено интервью (включавшее анкету «Эксперта села») с 57 человеками (24 мужчины и 33 женщины в среднем возрасте $38,9 \pm 1,6$ лет), преимущественно специалистами, которые выступили в качестве экспертов села. Эти данные сопоставлены с аналогичными интервью примерно 400 человек ($44,5 \pm 1,5$ лет) в 30 населённых пунктах Мурманской, Архангельской областей и Республики Карелии, расположенных по северному, западному и южному побережью Белого моря (в 1998 г. интервью получено от 52 человек в 9 населённых пунктах).

Переход к простым системам жизнеобеспечения села и условия их становления

В целом неблагоприятные для села современные социально-экономические преобразования способствуют разрушению сложившегося хозяйственного уклада сообществ и формированию здесь новых моделей жизнеобеспечения. Важнейшими особенностями стратегии поведения сельского сообщества в таких кризисных социальных условиях оказываются следующие:

- а) тенденция к возврату традиционных неэкономических форм хозяйствования;
- б) хаотический процесс формирования ситуативных (и в силу этого неадаптивных) механизмов жизнеобеспечения [1].

В разных регионах – на севере европейской России и юге Сибири – эти процессы имеют как универсальные, так и специфические черты, выявление и описание которых позволяет дать картину развития социально-экономических и социально-психологических процессов в обществе в период его радикальной трансформации.

Одной из существеннейших черт таких процессов является их спонтанный, внезапный и непредсказуемый характер. Новые способы жизнеобеспечения сейчас могут складываться буквально в течение года. Ясно, что они не являются совершенно новыми, но актуализированными в данной ситуации

старыми традиционными способами. Поэтому они по сути элементарны, просты, являются теми самыми пресловутыми «соломинками». Тем не менее, даже они выступают некоторого рода «островками стабильности», на непродолжительное время возникающими то тут то там в кипящей лаве социального катаклизма. Кто знает, может быть, какие-то из этих форм в будущем послужат основой для более развитых систем жизнеобеспечения сельских сообществ. Поэтому представляется полезным посмотреть на внутренние условия становления таких элементарных систем жизнеобеспечения. Такими условиями являются, в частности, состояние домохозяйств, источники дохода семей, социально-производственная инфраструктура села.

Благосостояние домохозяйств

Уровень благосостояния семей в алтайских сёлах, по экспертным оценкам, очень низок. В среднем он даже ниже, чем в поморских сёлах (рис.1), хотя развитие подсобного хозяйства на Алтае гораздо значительнее, чем в европейском Заполярье, зато уровень денежных доходов здесь стал много ниже. Полученные мною некоторые оценки уровня благосостояния в денежном выражении касаются только алтайских сёл, поскольку получить подобные оценки на Севере не представилось возможным. С точки зрения жителей алтайских сёл предельный уровень - «черта бедности» - в августе 1998 г. составил в среднем 42 рубля в месяц на человека (поразительное совпадение: это число соответствует среднему уровню «денежного вспомоществования», которое колхозники получают обычно в течение месяца). Нормальному уровню жизни, по оценкам тех же людей, соответствует доход в 865 рублей на человека в месяц. Как видим, соотношение не менее, чем 1 к 20. Для сравнения укажу, что по аналогичным моим данным для безработных Новосибирска весной 1998 г., оценки горожан со сравнительно низким уровне жизни, существенно отличаются от оценок сельских жителей: черту бедности они оценивают в 563 рубля, а нормальный уровень жизни - в 1280 рублей в месяц на человека (соотношение 1 к 2,3). Понятно, что в селе человек может прожить и без денег, потому «черта бедности» здесь столь скромная, а оценки горожан, при всём их разбросе, в среднем точно соответствуют прожиточному минимуму (на тот момент - 500-600 рублей). Важнее, мне кажется, другое: крайняя умеренность ожиданий людей как в селе, так и в городе, основанная на реалистичных оценках экономического положения своего региона и страны.

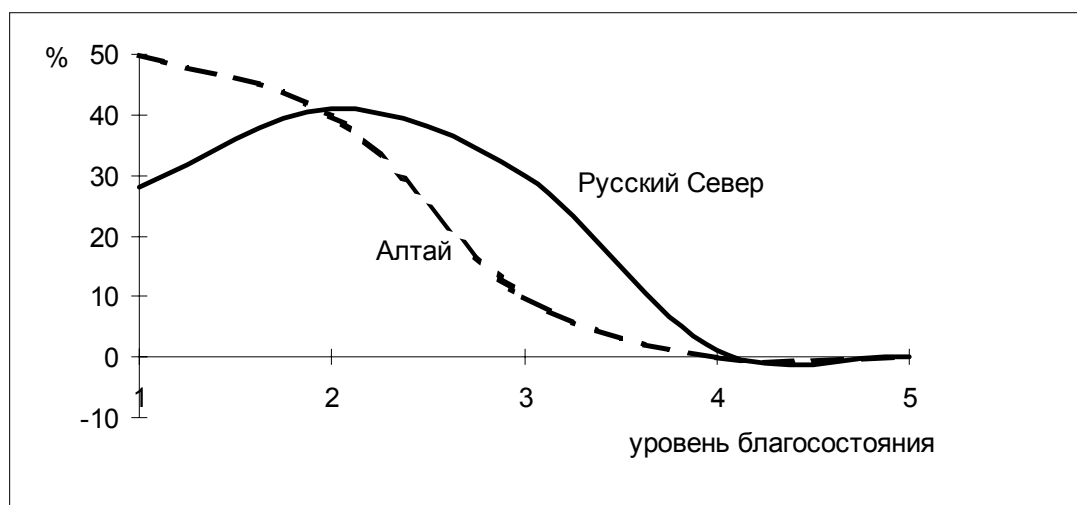

Рис.1. Распределение оценок уровня благосостояния жителей алтайских и поморских сёл (1 — очень плохо; 2 — плохо; 3 — средне; 4 — хорошо; 5 — очень хорошо). Средний уровень благосостояния на Севере - 2,0, SD = 0,79; на Алтае - 1,6; SD = 0,70.

Уровень жизни населения крайне низок (рис. 2). Даже с учётом того, что люди, особенно в селе, склонны занижать, скрывать свои доходы, когда 60-80% указывают на уровень жизни ниже среднего и близко к черте бедности - это всё равно показатель значительного неблагополучия. Практически у всех без исключения (исключения составляют сравнительно крупные коммерсанты, но их не бывает больше одного на среднее село) материальная жизнь в последние полгода - год ухудшилась, причём у 3/4 населения жизнь стала значительно хуже. Пессимистические оценки на Севере были тем более низкими, что моё обследование совпало с острым кризисом после 17-го августа.

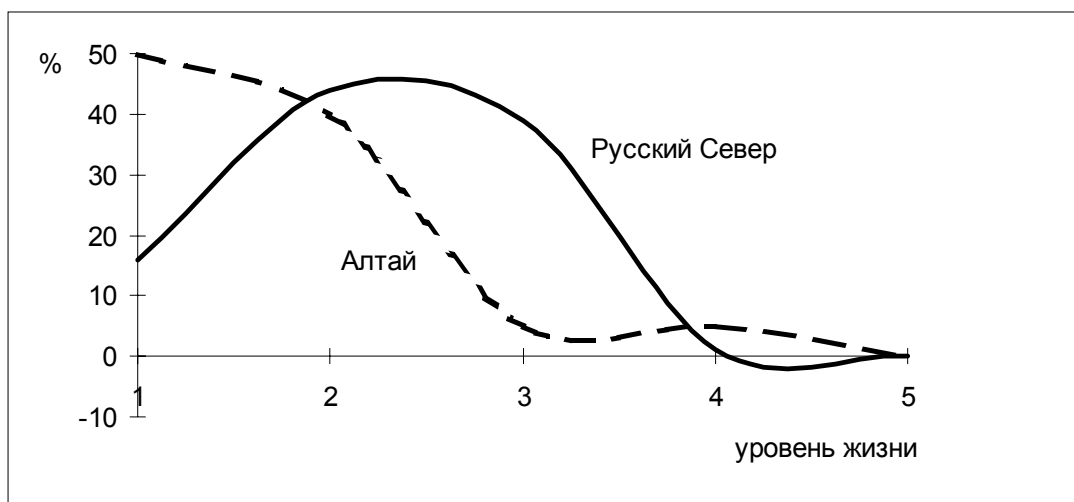

Рис.2. Распределение оценок уровня жизни жителей алтайских и поморских сёл (1 — очень плохо; 2 — плохо; 3 — средне; 4 — хорошо; 5 — очень хорошо).

Источники дохода семей

Основные источники средств существования жителей в алтайских сёлах - прежде всего личное подсобное хозяйство, доход от продажи собственной сельхозпродукции, во вторую очередь - пенсии и различные пособия, и только в третью - зарплата на основном или дополнительном месте работы. На Русском Севере иное соотношение источников: в первую очередь и в равной доле это зарплата и пенсия (в сумме более 1/2 всех доходов), во вторую очередь - личное хозяйство и рыбная ловля и в третью очередь - случайные приработки (заготовка и сдача водорослей, продажа ягод). Продажа собственной сельхозпродукции на Севере практикуется мало, поскольку производится только необходимое в расчёте на семью.

Новые экономические отношения не сложились в селе настолько, чтобы играть хоть какую-то роль в жизнеобеспечении сельской семьи (предпринимательство, коммерция и операции с ценными бумагами дают менее 1% всех средств к существованию). Однако в отношении коммерческой активности людей налицо занижение экспертных оценок: торговля спиртным на селе развита хорошо и по нашим оценкам примерно 5% семей ею занимаются, продавая вино и водку на дому. Другие же виды коммерческой активности вообще ещё не развиты.

Занятость населения и состояние экономики села

Уровень реальной безработицы в селе, как известно, велик. Работа, приносящая какой-то доход, с точки зрения экспертов, сейчас есть лишь для 15-20% трудоспособного населения. Оценки же реальной безработицы на Алтае составляют 42%, на Русском Севере - 32%, т.е. практически одинаковы. Лишь от 2/3 до половины трудоспособного населения сёл имеют работу. С одной стороны, это свидетельствует о крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации, но с другой стороны, те же респонденты отмечают, что для экономики села достаточно всего лишь 10% нынешнего трудоспособного населения, остальные же 90% - лишние люди, которым всё равно не найти работы ни сейчас, ни в будущем.

Этот момент весьма существенный, поскольку он тесно связан с перспективами развития села. Как показывают ответы, наиболее высокий уровень безработицы наблюдается как раз в тех отраслях, которые не являются профильными для села (строительство, коммунально-бытовое хозяйство, образование, культура), или в тех, которые раньше были связаны с крупным товарным производством (полеводство, растениеводство, животноводство, морской промысел зверя).

Отвечая на вопрос, какие отрасли в селе являются доходными или убыточными, респонденты проявляют показательное единодушие. В качестве убыточных они отмечают практически все те отрасли производства, которые в советское время являлись основными для данного колхоза или совхоза. В качестве же перспективных высокодоходных отраслей часто называются такие, которые ранее не были здесь развиты или являлись второстепенным видом.

В поморских сёлах считается основной, если не единственной доходной отраслью, рыбное хозяйство, куда включается почти исключительно рыбодобыча, в редких случаях рыбпереработка. Значимость других отраслей хозяйства, которые рассматриваются экспертами как доходные — сельского

хозяйства (в особенности животноводства), лесного хозяйства (преимущественно заготовка леса и торговля кругляком), туризма (в преобладающей степени на Соловках) и частная торговли (спиртным), — оценивается ниже значимости рыбного хозяйства в 3-4 раза. В среднем же, хотя в северных сёлах имелось и до сих пор существует немало сфер хозяйственной деятельности, никакие из них, кроме рыбного промысла, не привлекают внимание экспертов-респондентов в качестве перспективных. Напротив, почти каждый восьмой считает, что сейчас в селе нет ни одной доходной отрасли хозяйства, а каждый шестой считает все отрасли убыточными. Между тем, если суммировать отдельные оценки, то все виды сельскохозяйственного производства на Севере считаются почти в 3 раза менее доходными по сравнению с различного рода промыслами (33 %). В то же время не менее 1/4 экспертов (24 %) рассматривают сферу обслуживания в качестве возможной доходной отрасли сельской экономики (и менее 8 % — в качестве убыточной отрасли). В целом сами жители видят немного возможностей экономического процветания сельской общины.

В алтайских сёлах чаще всего (и почти исключительно) высокодоходным производством называется пчеловодство, переработка сельхозпродукции в качестве таковой оценивается реже, хотя при этом респонденты обращают внимание на необходимость развития перерабатывающих производств: опыт деятельности таких небольших предприятий во многих сёлах показывает их успешность даже в нынешних условиях. Не менее 1/3 респондентов полагают, что доходных отраслей в их сёлах нет.

С чем же связывают руководители и сельские специалисты развитие вышеуказанных ими отраслей хозяйства? К сожалению, здесь нет ничего оригинального. Два условия представляются им важнейшими: 1) финансирование; 2) появление умелого, дельного руководителя, «хозяина». Кроме того, естественно, что развитие экономики села нуждается в создании соответствующих служб по закупке, вывозу или переработке продукции, а также упрочения транспортных коммуникаций, транспорта. Важным моментом является и обеспечение топливными ресурсами и электроэнергией. Высказываются и предложения стратегического характера, как-то: изменение налоговой системы в отношении сельскохозяйственного производства, создание системы профессионального обучения, государственная помощь в организации рабочих мест. Но это всё остаётся благим пожеланием, в реальность которого никто не верит. Потому люди видят перспективы развития экономики села - экономики того уровня, какой был достигнут при социализме, - далеко не радужными.

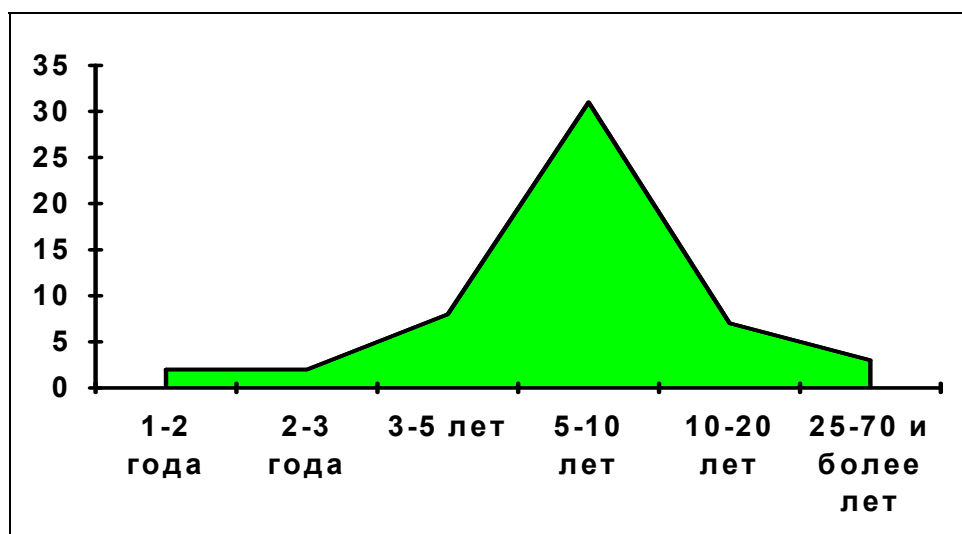

Рис. 3. Оценки экспертами сроков стабилизации сельской экономики. По оси абсцисс число ответов.

Перспективы сельской экономики

Обсуждая вопрос о том, какое время понадобится сельской экономике для преодоления последствий экономического кризиса и создания новых стабильных организационных форм, сельские эксперты разделяются на 3-4 группы: 1) неадекватных оптимистов, полагающих что для такого перехода достаточно всего одного — пяти лет (таких оказалось немало на Севере - 36% и не более 10% на Алтае); 2) реалистов, рассматривающих обозримые перспективы стабилизации экономики в интервале от 10 до 20 лет (на Севере 31%, на Алтае - более 70%); 3) пессимистов (таких 15-20%), полагающих, что процесс стабилизации растянется на многие, «долгие» годы — от 25-ти до 70-ти и более лет; 4) релятивистов - людей, полагающих, что всё будет зависеть от условий, в которых придётся развиваться сельской экономике севера (10-20%). Таким образом, единого или хотя бы доминирующего мнения о перспективах сельской экономики у людей нет. Можно только указать, что тех, кто ставит более или менее обозримые цели, - от двух третей до четырёх пятых всех опрошенных (распределение мнений экспертов представлено на рис. 3:

действительно, большинство надеется на вполне реальные сроки в 5-10 лет увидеть вновь экономику села стабильной).

Социально-профессиональный потенциал села

Состояние и уровень развития социально-профессионального потенциала села по оценкам большинства экспертов в алтайских и северных сёлах невысокий: по всем показателям эксперты дают оценки «ниже среднего» или «очень низкие» (см. рис. 4). Только оценка профессионального уровня работников приближается к средним значениям (3,4 - 3,6 балла по 7-балльной шкале). Очень плохое материально-техническое обеспечение хозяйств и организаций (1,7 - 2,0 балла). Но ещё ниже уровень развития производственной базы хозяйств (1,1 - 1,9 балла).

Интенсивность труда в селе очень низкая (2,1 - 2,6 балла), хотя эта оценка относится именно к труду в колхозе и учреждениях, а не к интенсивности труда в частном хозяйстве. Развитие частного сектора на Севере недостаточное (2,8 балла), и это вполне понятно исходя из уровня развития здесь подсобного хозяйства. Напротив, на Алтае развитость частного сектора высокая (3,9 балла).

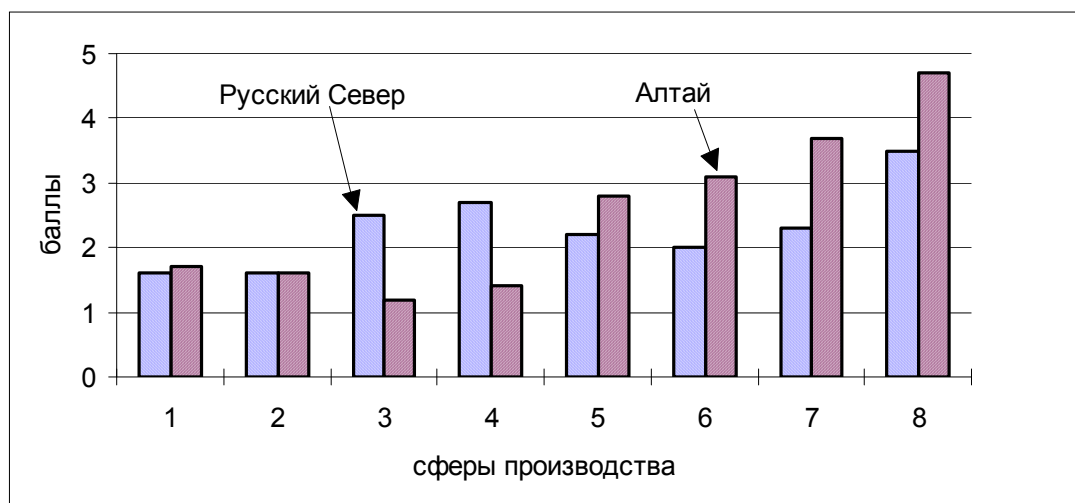

Рис. 4. Оценки уровня индивидуальной деловой активности жителей сёл в разных сферах общественного производства. 1 — в строительстве; 2 — на транспорте; 3 — в заготовках и сбыте дикоросов; 4 — в рыбном промысле; 5 — в сфере сельскохозяйственного производства; 6 — в торговле продукцией сельского хозяйства; 7 — в торговле ширпотребом, в перепродажах; 8 — в торговле спиртными напитками.

Уровень развития предпринимательской и коммерческой деятельности отдельных жителей совершенно незначителен в поморских сёлах (1,9 балла), и сравнительно высок на Алтае (2,7 балла). Какова же эта деловая активность в различных сферах общественного производства? Как видно из рис. 4, наиболее высокая предпринимательская активность жителей сёл отмечается в торговле ширпотребом, спиртными напитками, в перепродажах вещей (по пятибалльной шкале это выше среднего уровня). Все остальные виды активности значительно уступают активности в этой сфере. В то же время практически все респонденты считают, что село сейчас нуждается в деловых людях, в своих коммерсантах и этому необходимо учиться. Обучение сельских жителей бизнесу считают необходимым 62% респондентов, и только 16% полагают, что в этом нет нужды. Исходя из специфики предпринимательства на селе, эта позиция кажется совершенно обоснованной (см. [4]).

Новые модели жизнеобеспечения сельской общины

Полная атрофия натурального хозяйства на Русском Севере и сохранение у поморов ориентации на такие виды промыслов, которые традиционно требуют коллективной деятельности, не в последнюю очередь заставили их в наше время повсеместно сохранить колхозы. Необходимость в этом продиктована также и тем важным обстоятельством, что социально-психологические механизмы жизнеобеспечения поморских сообществ традиционно формировались как механизмы коллективной жизнедеятельности.

Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. На Русском Севере такое приспособление наблюдается повсеместно. В стратегическом отношении оно

неадаптивно, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям экономической и социальной жизни. Среди многочисленных прежде элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один — атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика, но стабильна. Это позволяет регулярно выплачивать пенсии и зарплату, на которые живут члены колхоза. Они выступают в виде вспомоществования, благодаря которому люди имеют ещё достаточно времени и на занятия своим хозяйством, охотой и промыслом.

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения привело к формированию любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишен работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как рента от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду судов. О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться, люди вынуждены переходить к совершенно иным способам жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Алтая.

На сельском юге Западной Сибири ситуация сложилась не менее любопытная. Здесь практически каждое село ориентируется на свой собственный, как правило, единственный, способ жизнеобеспечения. В одном случае это заготовка сена, в другом - производство мёда, в третьем - заготовка леса. Выбраны самые простые и наименее трудоёмкие виды деятельности, могущие быть осуществленными отдельными семьями. Ориентация сделана на использование природных ресурсов путём их первичной переработки. При переходе от одного села к другому это создаёт впечатление многообразия способов жизнеобеспечения. Но по сути - это чрезвычайное упрощение всей системы хозяйствования по сравнению с советским периодом, сведение былого разнообразия к одному-двум производствам. В этом отношении алтайские сёла выбрали ту же стратегию, что и северные, что и большинство центральных сельских сообществ России. По большому счёту это не стратегия развития, а вынужденная адаптация.

Процессу экономической деградации, который мы наблюдаем сейчас повсеместно в сельской России, есть историческая аналогия. К 1923 году, к моменту закрытия монастыря на Соловках и организации здесь комсомольского хозяйства, на островах существовало 28 различных видов сельскохозяйственного и промышленного производства; ко всему прочему, здесь были свой телеграф, электростанция, сухой док, типография. К 1929 году, когда на Соловках несколько лет вёл свою деятельность УСЛОН и численность населения возросла не менее чем в 20 - 30 раз, на островах остались только два вида производств: лесоповал и лесопереработка.

Материалы исследования получены при финансовой поддержке Президиума СО РАН и Российского гуманитарного научного фонда ((грант № 98-06-18011).

Литература

1. *Плюснин Ю.М.* Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестник РГНФ. – М., 1997. -- № 3. – С. *Плюснин Ю.М.* Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания») // ЭКО – Новосибирск, 1997. -- № 7. – С. 169 - 176..
2. *Плюснин Ю.М.* Политика деколлективизации села и ее первые итоги. Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай (по материалам социологического исследования осенью 1994 г.). - Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1995. — 32 с.
3. *Плюснин Ю.М.* Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса (сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае) // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1997. – С. 117-128; *Плюснин Ю.М.* Психология выживания: мировоззрение и социальные диспозиции поморского населения Русского Севера // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. -- № 1. – С. 81-86; *Плюснин Ю.М.* Воля к жизни в социологическом измерении (демографическое и социально-психологическое состояние поморского сельского населения Русского Севера) // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1998. - № 1. – С. 113-119.
4. *Плюснин Ю.М.* Парадокс экологически ориентированного предпринимательства в сельской России: мировоззренческие основания развития цивилизованного бизнеса // Матер. Круглого стола конфер. «Цивилизованный бизнес как фактор устойчивого развития России» Москва, 18-19 ноя.98 г. - М., 1999 (в печ.).